

Николай Степанович Климов

Коля родился в 1881 году в селе Семярка Семипалатинской области. Он был первенцем в семье Степана и Марии Климовых. Он был окружен вниманием и любовью родителей, обласканный и обеспеченный всем необходимым в благополучной интеллигентной семье. С ранних лет он воспитывался на лучших традициях, основой которых были высоконравственные примеры родителей - их отношение друг к другу, взаимопонимание, искреннее уважение, готовность прийти на помощь друг другу в любой момент, разделить и тяжкий труд, и семейную радость, их доброе отношение ко всем людям.

Спустя примерно шесть лет у него появился братишка Витя, а еще через семь - сестричка Аня. Жить стало веселей! Было с кем пообщаться, поиграть, да и отстаивать свое "Я" под солнцем. Вместе с этими положительными сторонами бытия появились обязанности и ответственность - оберегать этих несмышленьшей от всяких случайностей, понимать их, быть снисходительным к их проделкам и капризам, проявлять заботу о младших. Благодаря вниманию, заботам и примеру воспитания его мамы - Марии Андреевны, эти науки семейных отношений, как и вообще должного отношения человека к человеку, давались ему без особого труда и, тем более, послужили стержнем в формировании его характера и личности.

У его отца, работника почтовой службы, было больше обязанностей и ответственности, чем доходов, положенных по чину, но на приобретение книг, на стремление к познанию и совершенствованию себя в семье ограничений не было. Известно, что у Николая Степановича была большая домашняя библиотека прекрасного содержания, основу которой заложил его отец, а он следовал его примеру не только по традиции, но и по собственному желанию, пополнял ее духовными, философскими и научными произведениями.

У меня нет точных сведений, со сколько лет и в какую школу начал ходить учиться мальчик Коля Климов. В одном можно не сомневаться, что учился он серьезно и прилежно. Известно, что в возрасте 15-ти лет, в 1896 году, он поступил в первый класс Духовной семинарии в г. Семипалатинске. По тем временам окончание Духовной семинарии давало право на поступление в высшие учебные заведения. В 1901 году он успешно оканчивает Духовную семинарию и поступает в Томский Государственный Университет на юридический факультет.

На фотографии 1906 года Николай - студент старшего курса Томского университета, в форменной одежде, введенной Александром III в 1885 году. На нем серые брюки с узкими лампасами, двубортный темный френч с двумя рядами фирменных пуговиц, воротник и манжеты которого обшиты узкой светлой каймой, в петлицах - какой-то знак. Николай сидит у стола. Кисть его правой руки на страницах развернутой книги, левая рука - на спинке стула, в непринужденном положении, полуповоротом к фотографу (эту фотографию сделал его друг и будущий родственник В. Заворовский - муж сестры Марии Хрущевой, с которой Николай был знаком и имел к ней самые серьезные намерения). На голове - черная кипа густых волос, аккуратно подстриженных. Губы сжаты, в глазах уверенность, смелость и даже дерзость: "Что Вам угодно, сударь?" или "С чем и зачем пожаловали?" В такие юношеские переломные годы любому свойственны подобные черты характере-

ра и поведения - "мы все знаем, все умеем, нам все нипочем". Таким, наверно, и был тогда студент Коля Климов. А, может быть, я глубоко ошибаюсь, глядя на эту фотографию и желая прочесть его внутреннее состояние души. Скорее же всего это напускное - перед объективом.

После окончания университета перед ним были широко открыты ворота в большую жизнь. Он мог быть юристом или адвокатом, следователем или судьей, мог применять свои знания везде, где нужно отстаивать соблюдение законов. Однако, будучи человеком умным, способным к анализу и видению далеко вперед, он считал, что судить за совершенные преступления и нарушение законов будет всего лишь полдела и растрчивать на это свои знания и потенциальные возможности он не имеет права. Он полагал, что нужно предупреждать появление пороков у человека начиная от его рождения, и в школах, и в дальнейшей жизни воспитывая и проповедуя ему нравственные христианские идеалы.

Глубоко и болезненно воспринимая несовершенство человеческих отношений и бытия, он принял на себя, может быть по велению Свыше, тяжелейшую обязанность Учителя, пастыря прихожан - священнослужителя. Сначала он нес службу в селе Новогеоргиевка Томской области, а с 1915 года - в городе Томске.

Когда я увидел его фотографию в одежде священника, то был поражен разительной переменой одного и того же лица, происшедшей от студента до священника за неполные двадцать лет. Николай Степанович стоит в темном одеянии священнослужителя. Левая рука, согнутая в локте, опирается на круглую тумбу, а под кистью руки - закрытая книга. Поверх одежды у него на груди на крупной цепочке - массивный крест. Черные, густые, волнистые волосы опускаются за спину ниже плеч. Красивые усы и подстриженная борода. Взгляд такой спокойный, добрый и умиротворенный, говорящий о том, что он готов отдать всего себя, все добро своей души всем людям Земли. На фотографии этой он похож на изображение иконописцами лика Иисуса Христа.

Николай Степанович обладал незаурядным умом и дальновидностью, был высококультурным интеллигентным человеком. Когда он был еще студентом, в России назревали революционные события, будоражившие все общество и особенно молодых людей. Я не склонен упоминать о тех событиях, они запечатлены на страницах истории, хочу лишь вспомнить о том, что мне рассказывала моя мама - сестра Николая, о том периоде:

"Николай и его младший брат Виктор часто спорили по поводу грядущей революции. Виктор был ярким сторонником ее свершения и возлагал на нее радужные надежды. Николай же всячески старался доказать обратное, успокоить восторженные порывы Виктора."

Как видно, Николай глубоко понимал суть грядущих перемен и, наверно, чувствовал надвигающуюся всеобщую беду.

Николай Степанович был не только священником-пастырем, призывающим мирян к послушанию и исполнению православной религии, он был и настоящим борцом, смело отстаивающим свои убеждения в этом. В 1918 году он выступал с докладами на объединенном собрании Томского Епархиального съезда и в Зале Городского Корпуса г. Новониколаевска (ныне г. Новосибирск). В 1919 году вышла из печати его книга "Современная педагогика. О воспитательном и образовательном значении Закона Божия (место ли Закону Божию в новой школе)".

Его книга и доклады начинались словами: "Весьма решительным приговором звучат слова известного социолога Герберта Спенсера по адресу пленившего в настоящее время народную массу социализма, сказанные им в письме к Фиорентини от 12 июля 1895 года. Мной неоднократно высказывалось убеждение, писал он, что воцарение социализма было бы наиболее ужасным из всех доселе испытанных бедствий.

И мы теперь видим на судьбе нашей несчастной родины, как был прав знаменитый английский философ. Под гнетом реалий социалистических идей рушится великодержавная Россия, не стало ее славной армии, а вместе с ней погибла вся государственная мощь, расстроен правовой и экономический порядок, в значительной степени поколеблены и разрушены нравственные устои страны. Роковую роль в этом последнем отношении должны были сыграть декреты правительства "Российской советской Федеративной Республики" о свободе совести, об отделении церкви от школы и от государства, если бы им суждено было стать законами нашей жизни.

Показать, насколько пагубно отделение религии от школы, т.е. изгнание из нее Закона Божьего, и в какой степени не соответствует это существенным задачам современной школы, как понимают их ученые авторитеты педагогики, является целью настоящего доклада."

Делать выдержки из доклада я не считаю здесь целесообразным. Суть его понятна по названию книги и титульного листа ее, а детали и тонкости содержания доступны профессионалам в сфере образования. Однако, не могу не привести заключительных строк его книги. В них, как на ладони, душа Николая Степановича, его внутреннее содержание, его боль и надежда. Без этих строк его портрет был бы недорисован.

"Вслушайтесь в сердечные строки писателя нашего С.Т.Аксакова, в которых он изливает свою глубокую признательность воспитавшей его старой школе со старой постановкой преподавания Закона Божия. "Прощай, говорит он, покидая университет, шумная, молодая учебная жизнь! Прощайте первые невозвратимые годы юности пылкой, ошибочной, неразумной, но чистой и благородной. Стены гимназии и университета, товарищи - вот что составляло полный мир для меня. Там разрешались молодые вопросы, там удовлетворялись стремления и чувства! Там был суд и осуждение, оправдание и торжество. Там царствовало полное презрение ко всему низкому и подлому, ко всем своекорыстным расчетам и выгодам, ко всей житейской мудрости - и глубокое уважение ко всему честному и высокому, хотя бы и безрассудному. Память таких слов неразлучно живет с человеком и, непременно для него освещает и направляет его шаги в продолжении целой его жизни, куда бы не затащили его обстоятельства, как бы не топтали в грязь и тину, она выводит его на чистую, прямую дорогу."

Вот каково должно быть нравственное и умственное образование подрастающего поколения. К таким школам должна стремиться Новая Россия и в этом направлении должна работать ее общественно-педагогическая мысль."

Николай Степанович был женат на Марии Стефановне, урожденной Хрущевой, которая была происхождением из церковной семьи, дочерью дьякона. Они растили и воспитывали двух сыновей - Юрия, Иоасафа и дочь Татьяну. За свою

недолгую жизнь Николай Степанович сумел передать своим детям то самое главное, что сделало их достойными людьми, настоящими гражданами России.

Николай Степанович пользовался широкой известностью и популярностью в Томске и за его пределами. На его духовные проповеди в храме не было места “упасть яблоку”. Его внешний облик, красивый голос, обладание даром слова, как и что он говорил - все внушало веру, доходило до глубины сердца прихожан. Ему верили, его боготворили, ему поклонялись и после каждой его проповеди уносили с собой светлое, нравственное очищение души!

В миру Николай Степанович также пользовался известностью музыкально одаренного человека. Он обладал чудесным тенором, любил петь, исполнять русские классические романсы. С восторгом и волнением слушали друзья его проникновенные исполнения романсов и дуэтов с известным басом Томска - Г. Ядрышниковым. Особенно хорошо, задушевно звучал в их исполнении “Соловушка”. Томская музыкальная элита пророчила Николаю Степановичу большую известность и серьезно звала его на оперную сцену. Однако, главной сценой для него, раз и навсегда выбранной, являлся Храм Божий.

Новая власть большевиков всячески пыталась обратить громадный авторитет Николая Степановича себе на пользу. Ему неоднократно предлагали сотрудничество, и угрожали, и обещали “хорошую жизнь”. Николай Степанович отвергал все эти предложения. Тогда “для перевоспитания”, устрашения и морального давления, в 1924 году его впервые посадили в тюрьму, без суда, на неопределенное время. Свидетельством этому сохранилась фотография, которую Николай Степанович прислал в Семипалатинск своей маме с такой надписью: “Милой и дорогой маме от узника-сына. Снимались в своей камере с товарищами по несчастью. Целую тебя и всех и желаю здоровья. 11/V - 24 г.” Действительно - “с товарищами по несчастью”. Всматриваясь в лица шестерых узников, снятых с Николаем Степановичем, не поверишь, что это воры и разбойники, по которым давно плакала тюрьма. Все чисто и опрятно одеты, преимущественно молодые, с добрыми взглядами доверчивых глаз.

После проведенного над ним “эксперимента по перевоспитанию” он почувствовал, какая серьезная опасность нависла над ним и, может быть, над семьей. У него состоялся откровенный разговор с Юрием, которому он сказал, что выбрал свою дорогу в жизни и никогда, ни при каких обстоятельствах не свернет с этого пути, что учитывая всю серьезность положения предлагает Юрию отделиться от семьи и жить самостоятельно. Этим он хотел защитить хотя бы одного из сыновей на случай очередной беды с ним, тем более что старшему грозило бы больше всех разделить с ним все тяготы и лишения. Сын принял совет отца к исполнению, а отец оказался пророчески прав!

На протяжении шести последующих лет Николай Степанович исправно нес свою службу. Он не мог струсить, он не мог изменить народу, идущему к нему, смотрящему на него тысячами глаз и верящему ему, он не мог пойти и против своей совести и как и прежде поступал и говорил по велению сердца. Все эти годы он не знал, чем закончится его день, вернется ли он домой. Но каждое утро он находил в себе силы и мужество продолжать ставший тернистым свой благородный путь!

После того, как новая власть России закончила уничтожение крестьянства, а именно самой работоспособной и умной его части под лозунгом так называемого "раскулачивания", по указанию В.Ленина, считавшего, что "церковь - опиум для народа", или с его молчаливого согласия, началось разграбление церковных ценностей, надругательство и разрушение церквей и монастырей, духовенство стало подвергаться репрессиям. На необъятных просторах России повсюду и до сих пор еще смотрят на нас с укором их полуразрушенные останки, как памятники тому чудовищному по своей низости периоду вандализма.

Передо мной "Российская газета" № 195 от 19 октября 1993 года. В ней напечатана большая статья Томского областного отделения общества "Мемориал" под рубрикой "История 58-й статьи", выписки и комментарии по которой привожу. Подзаголовком этой корреспонденции жирным шрифтом напечатано: Уникальную книгу памяти репрессированных томичей издадут сотрудники областного управления безопасности. Книга памяти состоит из трех томов с названием "Боль людская".

"В три вышедших тома по алфавитному принципу вошло 16400 человек. Всего же будет около 20 тысяч фамилий".

"Каждую главу предваряет статья под рубрикой "Фальсификация: как это было". В первом томе, например, публикуются сведения о сфабрикованных НКВД делах по контрреволюционным организациям, существовавшим якобы в Томском крае. Названия им придумывали звучные: "Белогвардейский заговор", "Троцкистская фашистская организация", "Союз спасения России". По последнему, кстати, проходил талантливейший русский поэт Николай Алексеевич Клюев, погребенный в одном из массовых захоронений..."

"Уместно в этой связи напомнить историю печально знаменитой 58-й статьи. Она начала действовать с января 1927 года."

А вот самые потрясающие строки из этой публикации. Хотя события, упоминаемые в них, относятся к 1937 году, когда репрессивная машина набрала полные обороты, методы и приемы репрессий предыдущих лет были одинаковы.

"Вот что сообщает в письме Сталину сотрудник госбезопасности Егоров:
- В начале декабря 1937 года получили указание, что судебная "тройка" заканчивает свою работу 10 декабря... Неожиданно в Томск приехал Мальцев (начальник УНКВД по Новосибирской области) и на совещании оперативного персонала выступил буквально с такими указаниями: "Партия и правительство продлили срок работы "троек" до 1 января 1938 года. За два-три дня, что остались до выборов в Верховный Совет, вы должны провести подготовку к операции, а 13 декабря после выборов в Верховный Совет начать "заготовку". Даю вам три дня на "заготовку" (это значит на арест людей), а затем вы должны "нажать" и быстро закончить "дела"... Возрастным составом я вас не ограничиваю: давайте стариков. Нам нужно "нажать", так как наши уральские соседи нас сильно "прижимают"... Вы должны дать до 1.01.38 не менее 1100 человек, по полякам, латышам и другим не менее 600 человек в день, но в общей сложности, я уверен, что за три дня вы "догоните" до 2000 человек. Каждый ведущий следствие должен заканчивать не менее 7-10 дел в день.

Томские "заготовители" неукоснительно выполняли мрачную разнарядку."

По подобной разрядке и как особо опасного для режима человека Николая Степановича Климова арестовали 21 февраля 1930 года, обвинили в участии в контрреволюционной группировке по статье 58-10-11 УК РСФСР. 30 марта решением "тройки" приговорили к высшей мере наказания и в тот же день расстреляли. Ужасно себе представить, что пришлось ему пережить за этот месяц и восемь дней в застенках НКВД, и как, видимо, глумились над ним исполнители приговора, а он в последний миг наверняка молил Бога о прощении их - "они не ведают, что творят".

Спустя 59 лет - 15 июня 1989 года Николай Степанович Климов полностью реабилитирован, о чем его родным сообщила Томская областная прокуратура.

Его имя вписано в книгу памяти репрессированных томичей "Боль людская", а где покойся его прах - мы никогда не узнаем.

В 1994 году Томский областной "Мемориал" обратился к родным Николая Степановича с просьбой оказать помощь фотографиями и воспоминаниями о Николае Степановиче для создаваемого музея репрессированного духовенства и мирян в годы Большого террора.

Его фотография по праву должна быть в этом музее! Пусть его глаза - такие добрые, светлые, открытые смотрят с фотографии в глаза проходящих к нему поколений. Полагаю, что Николай Степанович был бы согласен, если рядом с его портретом были бы написаны слова Святого праведника Иоанна Кронштадского: "Я предвижу восстановление мощной России, еще более сильной и могучей. На костях вот таких мучеников, помни, как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая..."

Николай Степанович в тюремной камере "с товарищами по несчастью". г. Томск, май 1924 года

**Николай
Степанович
Климов
г. Томск,
накануне
1930 года**

Мария Андреевна Климова (в центре) с внуками - детьми старшего сына Николая Степановича: справа от нее Юрий, слева - Татьяна, стоят Иосаф и незнакомка
г. Томск, 1929 год

Николай
Степанович
и Мария Стефановна
г. Томск, 1904 год

Итоговые размышления

Данные о наших дальних предках-пращурах скрыты в глубинах истории. По приведенным мною расчетам и хронологии основных событий русской истории мы можем предполагать, когда они жили, трудились, в каких событиях могли участвовать и творить эту историю.

То, что они были, это бесспорно. Ибо без них не было бы и нас.

В каком веке, в какие годы и кто первым из рода Климовых оказался в Сибири - вопрос без ответа. Только с уверенностью можно сказать, что Степан Васильевич Климов попал в Сибирь не в поисках романтики и приключений, а по чести и совести своего гражданского долга.

Он выполнял тяжелейший труд, за который, как отмечал А.П.Чехов, чаще наказывали, чем награждали. Он выполнял и не отказывался.

Его семья образовалась в дружбе с родом Солдатовых - из династии сибирских казаков, с давних времен стоявших на защите и охране южных границ России.

Семья Климовых относилась к сибирской интеллигенции, являясь той прогрессивной силой, которая способствовала экономическому развитию и поднятию культуры этого дремучего тогда и обширного края России.

Климовы растили и воспитывали детей на лучших традициях христианства и постулатах казачества, передавая им славные традиции родов - честного бескорыстного служения своей Отчизне.

Их дети, получив высшие и специальные образования, избрали своим жизненным путем путь просветителей - сеять разумное, доброе, вечное.

Их сыновья - Николай и (будем полагать) Виктор, приняли на себя обязанности священнослужителей. Они верили, что люди могут достичь совершенства, доброты, взаимопонимания и всех благ земного бытия следуя и исполняя Законы Божьи, которым учила христианская православная церковь. Это были их искренние убеждения, их вера в правоту избранного ими пути, где они могут принести наибольшую пользу людям, и они верили и честно выполняли свой долг.

Младшая дочь Ольга избрала путь учителя общеобразовательной школы, а старшая дочь Анна после непродолжительной работы в агрономии приняла трудовую эстафету отца и большую часть своей жизни трудилась на почте.

Никто из них не участвовал в братоубийственной Гражданской войне, никто из них не чинил препятствий новому строю в стране, возникшему после Октябрьской революции 1917 года, они продолжали честно трудиться в избранных ими областях. Новая власть, закончив уничтожение основного работоспособного и умного слоя крестьянства под лозунгом так называемого раскулачивания, начала открытый террор против духовенства.

В 1930 году Николая и Виктора арестовали, обвинили в несодеянных преступлениях и расстреляли. Анна и Ольга всю жизнь прожили в страхе, покинули родные места, затерялись в российских глубинках, стараясь поддерживать родственные связи с молодым поколением разбитой семьи Климовых. В 1989 году Николая Степановича и Виктора Степановича Климовых полностью реабилитировали "за отсутствием состава преступления".

В течение 70 лет атеистическая власть коммунистов в стране пыталась самыми изуверскими методами вытравить из сознания народа Веру, правоту учения